

Андрей Торопов

Мальчик с пятёркой

Андрей Торопов

Мальчик с пятёркой

Москва
«Воймега»

2021

УДК 821.161.1-1 Торопов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Т61

А. Торопов

Т61 Мальчик с пятёркой / Андрей Торопов; сост. Олег Дозморов. –
М.: Воймега, 2021. – 108 с.

ISBN 978-5-6044597-6-8

ISBN 978-5-6044597-6-8

© А. Торопов, текст; 2021
© «Воймега»; 2021

Кто «мальчик с пятёркой»?

Уральскую поэзию отличает наблюдательность, бесстрастность, к которым екатеринбургский поэт Андрей Торопов добавил особое интеллектуальное спокойствие. Мир безмятежно абсурден. Это не трагический абсурд, как у Кафки, а стоический с элементами комического, как у Самюэля Беккета. Сходство ли климата – сурового уральского с суровым ирландским – или что другое, но в поэтике Торопова та же непроницаемость, почти герметичность чувств героя, что и у писателя экзистенциальной школы. Что это значит? Это значит, что и смотрящий находится настолько внутри, что мы практически не имеем доступа к чувствам рассказчика. Он часть пейзажа, он вписан в него. Взломать этот сейф нельзя, но можно подобрать к нему ключ.

Лирический герой Торопова не лиричен. Это и учёный, записывающий в дневник пару-тройку фраз после дня работы, и одновременно умный ребёнок, придумывающий модель мира. Прямое лирическое высказывание исключено. Лирический субъект (пользуясь термином Андрея Белого) «отграничен» от текста. Что означает эта «отграниченность» для читающего стихи? То, что читающему предстоит соучаствовать в своего рода реконструкции. Ему придётся поработать головой, прежде чем раздробленный на многие лирические я субъект (Набоков эти лирические я называл «представителями автора») соберется в целое. И тут начинается для читателя стихов Торопова самое интересное – «поиски автора».

Читать Торопова не менее интересно, чем с карандашом в руке решать головоломку: водишь по линиям, и постепенно на бумаге возникает силуэт. Потом другой силуэт, и третий, и вот уже город, дома, несколько людей на улице смотрит, как запускают воздушного змея.

В книге много имён собственных и названий из словаря культурного жителя двадцать первого века. Особенно имена собственные – отличительная черта его стиля. Гауф, Гофман, Дастин Хоффман, Тарковский, Гёте, мадам Севинье, Алан Милн, моцарт (sic!), Филонов, мавроди (sic!), Форрест Гамп... Они никак не оцениваются и не комментируются. В поэтике Торопова это просто слова, такие же как табурет, лес, станок, макароны, призванные вызывать устойчивые ассоциации. Чтобы подчеркнуть нарицательность, автор пишет их иногда со строчной буквы. В такой манере говорить с читателем как со своим – тоже что-то интимно-дневниковое. Интересно выглядел бы аппендикс к книге, возьмись исследователь творчества Торопова составить таковой! Не лишне вспомнить мысль Лидии Гинзбург о том, что психологическая проза рождалась именно из культуры дневников и писем. И при этом, конечно, не последнюю роль играет память и способность автора, историка по образованию, к запоминанию огромного количества топонимов.

Существуют некоторые отношения между лирическим и биографическим субъектом, они в центре внимания для будущего исследователя, конечно, и в рамках предисловия не получится исследовать взаимосвязь этих двух конструкций стиха. Упомяну только, что именно в них и лежит ключ к прочтению. Сюжет книги – именно диалектика этих отношений. Ср., например, в книге Лидии Гинзбург «О лирике»: «Наряду с концепцией “непосредственного выражения” издавна существовали и совсем другие определения лирики. При всём их многообразии, противоречивости, все они исходили обычно из признания особого положения субъекта, авторской личности в системе лирики, – что никоим образом не тождественно теориям прямых душевных излияний. [...] Специфика лирики в том, что человек присутствует в ней не только как автор, не только как объект изображения, но и как его субъект, вклю-

чѐнный в эстетическую структуру произведения в качестве действенного её элемента. При этом прямой разговор от имени лирического я нимало не обязателен. Авторский монолог – это лишь предельная лирическая форма. Лирика знает разные степени удаления от монологического типа, разные способы предметной и повествовательной зашифровки авторского сознания от масок лирического героя до всевозможных “объективных” сюжетов, персонажей, вещей, зашифровывающих лирическую личность именно с тем, чтобы она сквозь них просвечивала. В лирике активен субъект, но субъект лирики не обязательно индивидуален».

Стихотворения при всѐм тематическом и стилевом многообразии отличаются единством тона и взгляда. Тон очень спокойный, а взгляд изучающий. Он фокусируется не на объекте, а на том фоне, где расположен объект. Как если бы автор пытался найти и классифицировать подобное с подобным. Торопова занимает не уникальность, а именно принадлежность к общему целому. Это такой откровенный антиромантизм и антиэстетизм, за которым видится философское состояние лирического субъекта. Через единичное передаѐтся движение больших масштабов – будь то природные явления или плоды человеческого деятельности, и оттого его взгляду больше подходит телескоп, нежели микроскоп. Если взять стержневое стихотворение книги, строка из которого стала её заголовком, то ведь оно именно об этом – о подобию человека другим людям. Если же говорить о корнях, то у его письма общее с обэриутскими стихами, только там, где у Введенского и Олейникова про жучков, у Торопова про людей. Игровое начало доминирует над лирическим, и что-то детско-страшное, одновременно притягательное говорят нам эти строки.

Преимущество такого метода работы со словом и мыслью в том, что он задействует культурную память если не всех, то

всё-таки большой группы читателей. Как показывают примеры, лирический субъект стихотворений Торопова есть сборный конструкт разных я, у которых наблюдается разная степень близости к автору. Тут мы имеем дело с хорошо продуманным проектом, прикоснуться к которому можно, только участвуя на равных в игре.

Катя Капович

* * *

Все сгорели карусели,
все закончены дела.
Изумительно сгорели
без остатку и дотла.

И заплачено по счёту:
очень круглый этот счёт,
и сдана моя работа,
и одобрен перевод.

Лишь осталось оглянуться
и увидеть, не скажу
никому, и улыбнуться.
Улыбаюсь и гляжу.

* * *

Марамзино улиток и створчаток,
Храмцовская бесплатная моя,
Здесь, несмотря на уйму опечаток,
Читателя найду в потомстве я.

От запятых, забытых где-то в школе,
От ударений в пушкинских слезах,
От детских и капризных своеволий,
От переводов стрелок на часах.

От этого всего не отвернутся,
Всё это им придётся пережить
В моих стихах, когда стихи вернутся
И будут без меня здесь сами жить.

* * *

Потихоньку, по ступенечке –
Это мне не интересно,
Эти строчки – словно семечки,
Чик-чирик – и сразу песня.

Пусть другие продвигаются,
Пробиваются на небо,
В ангелы пусть выбиваются,
Мне хватает крошек хлебных.

Ну а если горстку семечек
Мне насыплет чья-то бабушка,
Поклюю их на ступенечке,
Буду сыт, и будут ладушки.

* * *

Я любил Гауфа, даже не Гофмана,
Даже не слышал про Дастина Хоффмана,
Жрал красный борщ без шафрана и перца,
Шарик жемчужный растил вместо сердца,
Плакал в подушку, день мук проведя,
Плакал и ждал человека дождя.

Там, где доносятся запахи сладкие,
Ходит Тарковский с измятой тетрадкой,
Бродит под окнами злой и голодный,
Просто мальчишка – ещё не свободный,
Просит о корке у жадных людей
В серой тетрадке из слёз и соплей.

Где прорываются строчки ущербные,
И появляются связи волшебные,
И открывают заветную дверцу,
И заменяют холодное сердце
Тёплой горбушкой ячменных стихов
К маленькой жизни в стране мудрецов.

* * *

Больные стихи. Больные стихи
Рождаются из. Рождаются из
Такой чепухи. Такой чепухи.
Такой вот сюрприз. Такой вот сюрприз.

И можно шутить. И можно шутить,
На всех наплевать. На всех наплевать,
Так строчку делить. Так строчку делить
И так рифмовать. И так рифмовать.

Словами играть. Словами играть
Легко, так легко. Легко, так легко
И не умирать. И не умирать –
Летать высоко. Летать высоко.

Себя повторять. Себя повторять.
Вот, в общем, и всё. Вот, в общем, и всё.
И не объяснять. Зачем объяснять?
Кого-то спасёт, меня не спасёт.

* * *

Жертв и разрушений нет,
И сегодня небосвод,
Что держу уже семь лет,
На твой дом не упадёт.

Написал тебе отчёт,
Завтра тоже напишу —
Небосвод не упадёт,
Если снова удержу.

* * *

Дочка-первоклассница,
Папа-скандалист,
Вот упало счастьеце
На осенний лист.

И со скорой помощью
Сведены концы,
И последней сволочью
Ходят мертвецы.

Капельница, капельни-
Ца-ца-ца-ца-ца,
Умирать неправильно —
Тянут мертвеца.

Сколько благодарности —
Столько слабых строк
От моей бездарности,
От моих дорог.

И когда загадывать,
Задуть свечу,
Ничего не надобно,
Плачу и плачу.

* * *

Я тебе принесу
Маленькую росу,
На ладони моей
Принесу пенку дней.

Маленькая роса,
В ней мои небеса
И шалаш из ветвей,
Принесу – на, попей.

Маленькая моя,
Славненькая моя,
Я тебе принесу
Целую стрекозу.

И исчезну в метро,
Не узнает никто.

* * *

Получивший свою пустоту
За своё нехорошее дело,
И не жалею больше листу,
Надоело, увы, надоело.

Кто овец досчитает до ста –
Сон получит, а жалоба эта –
Пустота, пустота, пустота...
И холодное сердце поэта.

* * *

Летаю с дочкой на руках
По комнате ночной
В таких чудовищных стихах
С мелодией такой.

И упакованный рюкзак,
И страшная вина
В моих чудовищных стихах,
И спит моя страна.

* * *

Таких, как он, не бывает,
И больше таких не будет,
Теперь, когда умирает, –
Никто его не осудит.

Он сделал всё то, что сделал, –
Хорошее и плохое,
Теперь умирает смело
За сделанное собою.

Ну что грустили, братцы?
Запойте погромче песню!
Незнайка был тунеядцем,
Но станет он всех известней.

А я, безыскусный Цветик,
Работаю: «пакля – рвакля» –
В одной из простых поэтик,
В одном из пустых спектаклей.

* * *

Сначала я думал, что я гулливер:
Маленький гулливер в стране великанов,
Потом показалось, что я, например,
Большой Гулливер в стране графоманов.

Я думал, что ты – «Блондинка за углом»,
Оказалась, что ты – «маленькая вера»,
И теперь я хожу пешком под столом:
Маленький гулливер в стране гулливеров.

* * *

Приходили в гости турки
и один еврей,
умер в Екатеринбурге
торопов андрей.

Думаю, что неумело, —
вам-то каково?
Знайте, ваша одолела,
в случае чего...

* * *

А ну-ка, песню нам пропой, весёлый Вертер!
И вейся по ветру с весёлой рожей...
Как хорошо, когда опять о смерти.
Как хорошо, когда мороз по коже.

Давай же мы ослабим эти строчки,
И пусть живёт, как Гёте, бедный Вертер
И встретит свою Лотту перед смертью,
У Манна было правильно, и точка.

* * *

Скажи слово «моцарт», и Вольфганг в тебе заиграет,
Скажи слово «врубель», и демон в тебе оживёт,
И тот, кто беспечно такие слова называет,
В ночи на балконе свою сигарету жует.

Он курит слова на усыпанном снегом балконе,
Он смотрит бесстрашно в бесстыжие окна домов,
Непризнанный гений в невидимой миру короне,
Простой повелитель страны ослепительных слов.

Когда он сойдёт, то слова его съедут с катушки,
В изгнание сошлют, улюлюкая словом «дурдом»,
Когда он умрёт, то слова его — нищие душики —
Поплачут немножко, помолятся Богу о нём.

Ну а пока он стоит на балконе и курит,
Смотрит сквозь мир на свой собственный внутренний мир,
Если захочет, слова свои грозно нахмурит
И сотворит себе горькое слово «кумир».

* * *

Поникла лютиком моя башка,
Пришла нежданная свободушка,
Столь неожиданная в тупике,
Мы загуляем с нею налегке.

Идёшь бессмысленно простым бомжом,
Не строишь дерево, не садишь дом,
Не ждёшь от будущего медных труб,
Не призрак оперы, не «только друг».
А два Протасова: один – смутьян,
Другой – любимый мой из «киевлян».

* * *

Мы снова празднуем ту победу,
И это наш евразийский выбор,
В восточный Новгород не поеду,
Поеду лучше в трофейный Выборг.

А потому что ещё там не был,
А я хочу быть простым туристом,
Чтоб любоваться на мирном небе
Обычным небом — пустым и чистым.

Чтоб получались от косностишья
Двойные смыслы, простые числа
И хитрый хвостик, махнувший мышью,
Совсем без смысла, совсем без смысла.

* * *

Тебя излечит Пантелеймон
И искалечит виконт Вальмон,
И повелитель душевных мух
Даст очиститель от детских мук.
Поедем в Павловск, где идиот
Хитро и нагло всех достаёт,
А лучше в Выборг, где бедный Даль
На глаз свой рыбий надел печаль.
Почти мавроди, мошенник Грёз
В окне разводит Литейный мост,
«Аврору» гложет кровавый сон,
«Потёмкин» тоже – «Пантелеймон».
Стоит Филонов у Нарвских врат,
Купи икону, лети назад.
Пусть Маргарита поёт МакСим,
Мечты закрыты под камнем сим:
И Медный всадник, и Соня М.,
И книжка «Праздник», и дядя Хэм...
Там, за рекою, в Ея тени
Перед тобою горят огни,
Ты тоже будешь одним из них,
Когда раскусишь гранитный стих.

* * *

Хитрый бурундук
Положил в сундук
Годовой запас
Для несчастных нас.

И теперь живём
И запас жуём
Маленькой любви
Уже года три.

* * *

Я ходил в «Мотылёк» покупать бутылёк –
Эти строчки придумал не я.
Я не знаю, зачем меня Бог уберёт,
И живу среди лжи и вранья.

Что синонимы классно в строку поместить –
Научил репетитор один,
Джины, что научали меня говорить,
Даром тратили время со мной, Аладдин.

Я, конечно, нарочно нарушил размер
И добавил багдадского вора,
Чтобы лента крутилась быстрее, парфюмер,
И опять повторялись повторы.

* * *

Мы учили с сыном чужой язык,
А язык чужой я совсем забыл.
Там крестьянин, фермер, простой мужик
Сыновей троих своих всех любил.

Он хотел для них не такую жизнь,
Чтобы happy, happy to be они,
А их жизнь катилась, катилась вниз,
Безнадёжные проходили дни.

Что поделатъ тут – сыновья полка
Пряники жуют, варят холодец,
На своём посту – дни, года, века,
И белеет парус, блестит венец.

Но в учебнике будет хорошо,
Там Иванушка – русский Форрест Гамп –
Счастье на земле для себя нашёл,
А мы тоже – только счастливый штамп.

* * *

Можно отказаться от плохих стихов,
Словно отказаться от больных детей,
Ну ты наловил, бедный стихолов,
В свой сачок не бабочек, а один репей.

Неуклюжий ты, кузенбenedикт,
От тебя тебе сердцу веселей,
Робеспьер Сенжюст вынесет вердикт,
И Дантон отправится собирать червей.

Мог бы кто другой поиграть в слова,
У кого сачок будет покрупней,
От тебя тебе кругом голова,
И плохой стишок расцветает в ней.

* * *

Мы поехали в дом, где живёт мастер Бо,
А над нами летел ворон Эдгара По.
Мы приехали в степь, где живёт доктор Хе.
Ритм красив, только что отразилось в стихе?

Может быть, это вдох перед новым стихом,
Может быть, это смерть со счастливым концом.
Или это болезнь — что-нибудь написать,
Прекратишь, но оно подступает опять.

Открывается степь, открывается степь,
Закрывается смерть — невозможно успеть.
А за ритмом скрывается хитрый старик,
Повторишь этот ритм — сохранишь этот крик.

* * *

Я возьму две вещи в свою картину:
Первую — из романа Ремарка
Женщины обнажённую спину,
От которой сеттером вою жалко.

А другую — стихотворение с парком,
С Огарёвым, что задолго до Блока,
Поздравляю с днём рождения, жалко,
Потому что можно теперь до срока.

Это ли поэзия — я не знаю,
Но иначе только пиши пропало.
Потому я медленно выживаю
За протяжный вой светлого металла.

* * *

Рифмовал бы, как Вознесенский,
Смех с короткой и лёгкой смертью,
Но рифмую, как бедный Ленский,
Смерть – с коттеджной Верхней Сысертью.

Там вчера за футбол с пинг-понгом
Получил две крутых медали,
Раздаётся идущий с Богом
Шаг победных моих сандалий.

Почему Бог ещё нас любит
И прощает слепую мерзость,
Пожалеет и приголубит
За словесную нашу дерзость.

* * *

«Белые кувшинки»
Написал Моне,
Скрыто на картинке,
Что лежит на дне:

Палки и стекляшки,
Всяческий отстой,
Голубые чашки,
Ключик золотой.

* * *

Маленький невзрачный вышибала
Роста ста семидесяти лет
Вышел из свердловского вокзала,
В бар зашёл, поскольку он – поэт.

И сказал к другому вышибале,
Что работать будет здесь теперь,
Получил за наглость он в лицо,
Получил и вылетел за дверь.

И когда весенний дождь упал
На сады, на крыши, на посевы,
Капли те бродячие собрал
Белый тополиный корень.

Белый, тополиный, белый, белый,
Корень тополиный, корень, корень,
Ножик перочинный, перочинный,
Перочинный ножик, ножик, ножик.

Я такую грустную лавстори
Написал случайно для себя,
Отдыхайте – это вам не море,
Где мы отдыхаем от себя.

* * *

Наталье Санниковой

У моей бабушки был комод
С кучею ужаснейшего тряпья,
У моей бабушки был и кот,
И теперь об этом вдруг вспомнил я.

Приходил ободренным блудный кот,
Бабушка материла его.
И брала зелёнку, нет-нет, не йод,
И зелёнкой смазывала его.

* * *

Моя нога болит, потому что я – Жанна д'Арк
И увидел Бога на встречной вдруг полосе,
Когда приезжаешь в другой город – иди в аквапарк,
Чтобы увидеть всех девушек во всей их красе.

Эту истину я сегодня случайно открыл
И внезапно понял, зачем я, несчастный, здесь.
Чтоб увидеть Бога там, где другой дебил
Лишь зазевался, споткнулся и вышел весь.

* * *

Мы двух Георгиев, Иванова
И Адамовича, тот свет
Любили больше того самого,
Кого на этом свете нет.

Мы создавали себе ангелов
По этим образам точь-в-точь...
Затмение от Микеланджело
Антониони или ночь.

* * *

В мире видел я и хороших женщин,
И одна из них подарилась мне,
Не хочу ни больше я, но ни меньше,
Ты пришла ко мне по своей вине.
И ты шла босая по битым стёклам,
Иногда не верила, что дойдёшь,
Под снегами мёрзла, дождями мокла,
Но носила в сердце другую дрожь.
Потому дошла и присела рядом,
И сказала робко: «Вот я пришла»,
Посмотрела скромным и тихим взглядом
И спокойно сердце мне разожгла.

* * *

Если бы я был пятнадцатилетним капитаном,
Я бы уехал на Северный полюс,
Но я являюсь тридцатишестилетним графоманом
И даже имею медицинский полис.

Но как волнуют меня две эти буквы,
Что иногда мне кажется, что Жюль скрыл разгадку
И Самюэль Вернон лишь фейк из бухты,
Чтоб успокоить всех ложью сладкой.

И поэтому надо свистать команду
И «Пилигрим» поворачивать к чёрту,
Пусть здесь другие ставят пандус,
Мы же уходим за песней мёртвых.

* * *

Поэзия не эпичнеет
До философского труда.
Элегичнеет, лиричнеет,
Не эпичнеет никогда.

И мы не будем эпичнеять,
И мы останемся детьми.
Балбесно будем чародеять
Своими дряхлыми костями.

* * *

Л.Л.

О, Тинторетто,
Ты — чудо света,
Ты был художник,
Теперь ты дождик.
И Боттичелли
Придёт в сочельник,
И станет рифма
Небесной нимфой.
И будет радость,
И будет старость,
И смех поэта,
И Тинторетто.

* * *

Сиди на хлебе и кефире,
Не думай о вселенском зле,
А думай о прекрасном мире,
Любви и счастье на земле.

Один прекрасный королевич
Свою любовь похоронил,
Другой – ужасный ходасевич –
Царевну словом оживил.

* * *

Наговори мне сладостей
И не люби меня,
Я – чистый ангел радости,
Живущий, не вина.

Я знаю, что закончится,
Не спорю, не юлю,
От пальчиков до пончиков
Я так тебя люблю.

* * *

Ты держала меня за руку,
Прижимала её щекою,
Чтоб не мог я уйти в разлуку
И остался навек с тобою.

Ты спала на ней так тревожно,
Но держала её так крепко,
Что уйти было невозможно,
Ты тянула меня, как репку.

Внучкой, жучкой, слезой, улыбкой...
Кто б я был – посудите сами.
Стал последней твоею скрипкой
И банальными стал стихами.

* * *

Золотые ворота,
Натяжные потолки...
Гопота и лимита,
Лезут, лезут дураки.

Настучите по рукам,
Надавайте по губам.
Всё равно не будем там,
Всё равно не будем там.

* * *

Выпей с утра в субботу чашечку кофе
С блинчиками-оладушками со сметаной,
Раз ты теперь такой стихотворный профи,
Не беспокойся больше, живи монтаной.

Сникерсы, марсы, баунти, твиксы-пиксы,
Первой убьют развратницу Лору Палмер,
Как меня восхищала погибель Крикса,
А Спартака – не больше безвкусной «пальмы».

Нас пионерами скромными воспитали,
Мы не подходим эре капитализма,
Больше не парься, блинчик макнув в сметану,
Это обычный завтрак тебе, не тризна.

* * *

Зашнуруй шнурок,
Маленький дружок,
Ты – такой шнурок,
У тебя «Дружок».

Группа «Комиссар»
Яростно хрипит,
Про ночной кошмар
Правду говорит.

Ты уйдёшь, и мне
Будет не до сна.
Это я вполне
Получу сполна.

* * *

Накормите меня кабачковой икрой,
Наконец я её заслужил,
Я всегда был четвёртый, ну, в лучшем, второй,
И теперь победил, победил.

И теперь я живу, как последний герой,
В нереальных объётах твоих,
И жую бутерброды с заморской икрой,
И мечтаю остаться в живых.

Потому что нарушил закон бутерброд
И неправильным местом упал,
Потому что вторую неделю идёт
Про пиратов ночной сериал.

Та, что рядом с облезлым балконом моим,
Стала яблоня белой опять,
Обещай ей остаться поэтом смешным
И коряво слова расставлять.

Потому что так хочешь добавить катрен,
Но не знаешь, про что написать,
И тогда добавляешь такое взамен,
Чтобы после другое узнать.

* * *

Можно ли избавиться враз от контрабаса,
Сесть за Томом Сойером на воздушный шар,
Полететь до жаркого-жаркого Донбасса,
Где гуляет путинский грозный янычар.

Шевелит усами он, хлопает в ладоши,
Кушает на ужин маленьких хохлов,
А на самом деле он такой хороший,
Только он несчастный от своих стихов.

Но от достоевщины мы его избавим,
Мы ему поможем обрести покой,
Кровожадным мальчикам надо дать забаву,
Чтоб их злая молодость не водила в бой.

Мы подарим каждому гамбургер с хот-догом,
Сводим их за ручку в рядовой секс-шоп,
Мы покажем к счастью им верную дорогу,
Распевать научим их правильный хип-хоп.

Стих-то получается очень колорадским,
Что с тобою делает длинный контрабас,
Говоришь безбоязно на своём дурацком,
Хорошо рифмуется с Зюскиндом Донбасс.

* * *

Вспоминаю сладких моих подружек,
Вспоминаю горьких моих друзей,
Сколько было выпито чайных кружек
С содержимым пыльным судьбы моей.

Нарисованный на весёлой кружке,
Чтобы выпить с горя с тобою чай,
Перейдём на шёпот, ровесник Пушкин,
Мои слёзы – это моя печаль.

Были мы зелёными и смешными,
Штурмовали с палками цитадель,
А теперь мы тоже стали большими,
Только стала мелкою наша цель.

Эту песенку никто не услышит,
Что в общагах пели про белый снег,
И полковнику никто не напишет,
И давно закончился прошлый век.

И пакетиком кенийского чая
Мой кораблик съёжился в кипятке,
Я своё смирение отмечаю,
Но держу свой рот на плохом замке.

* * *

Когда-то были бобины,
Когда-то были пластинки,
Их не было в магазине,
Но доставали на рынке.

И предки меня любили,
На рынке у спекулянта
За восемь рублей купили
«Детей капитана Гранта».

Такое мне было счастье –
Читать в дожди и метели
Потусторонние страсти
Тридцать седьмой параллели.

Я помню эти картинки,
Я вижу эти страницы,
И «Ариэля» пластинку
Я слышу, когда приснится.

Отчий дом с очень страшной
Чёрною мезониной,
Там, где Гудвин ужасный
Прячется под куртиной.

Вы когда-нибудь жили
В детской комнате с мехом,
Где призраки вас смешили,
Но исчезали со смехом.

* * *

Памяти К. Ш.

На кончике языка:
«Нам ни наримас ка...»
И в жёлтых листьях берёз
Прячется город Оз.

Иосиф, не повторяй,
Что город – это сарай.
Что баш – это голова,
Что золотая листва.

Поют себе о своём,
Никто не поймёт о чём,
Два маленьких акробата:
Рюноскэ и Кавабата.

* * *

Мы доели тощих своих коров,
Но пришла заслуженная зарплата,
Сериал и вправду про вечный зов,
Где все спят друг с другом, стучат на брата.

Если сырость наша и темнота
Объясняется этим, то очень просто.
Хороша духовная нищета,
И не надо нам никакого роста.

Мы пришли на смену не хуже вас,
И придут такие же нам на смену,
Доставай из баночки ананас,
Удобряй навозом свою систему.

* * *

Воспевать бескорыстно своё отечество,
Не прихватизировать, а давать.
Здесь хорошая рифма есть – человечество,
А правительство можно не воспевать.

Что же вы натворили, мои хорошие,
Что же вы изменились, мои плохие?
Родина – это слово совсем не пошрое,
Плачут по ней современные иеремии.

А казалось, срок твой скоро закончится,
Но уже, говорят, начинается новый срок.
И отечество с горечью одиночества –
С человечинной сладкий мой пирожок.

* * *

Загнанная лошадь
На ветвях сидит,
А большую ложку
Получает Тит.

Мир несправедливый,
Жизнь не удалась,
Выход некрасивый,
Но тоска взялась.

Укололи палец
Ржавую иглой,
И в тоске, красавец,
Безголосо пой.

* * *

Кушайте яблоки, господа,
И посмотрите вверх,
Где пролетает в лучах стыда
Самый несчастный стерх.

Он видит лучше нас с высоты
И знает лучше нас,
Что сожжены давно мосты
И интерес угас.

Что ему некуда больше срать,
Кроме как нам в мозги,
Что ему некому больше врать,
Что он там видит зги.

Но пожалейте его, друзья,
Очень он одинок,
Не поддержать нам его нельзя,
Очень уж он убог.

* * *

Умирает Степан Астахов в тихом доне,
Только не помню, где же он умирает,
Может быть, это автор его проворонил.
Может, я забыл, но кто его знает.

И какая разница, что с ним случилось,
Был он непутёвый, да и рогатый,
Ничего из него так и не получилось,
Да и о другом совсем роман с лопатой.

И чего он только ко мне прикопался,
Вспомнил бы ещё про сено-солому,
Лучше бы в Германии он остался,
Может быть, и вышло с ним по-другому.

* * *

Праздничные скидки
На меха, дублёнки,
Крепкие напитки,
Шпроты и тушёнки.

Мыльные верёвки
По цене одной
Две дают у Вовки
Каждый выходной.

Вкусный наступает
Праздник Новый год,
И никто не знает,
Сколько проживёт.

* * *

Залезай в эту ванну,
Напиши этот стих,
Мой герой оловянный
На одной, без двоих.

Под шумящую воду
Стойко в ванне лежать
И всегда за свободу
Горько, ясно стоять.

Верлибр

В году 88
Я простоял в очереди
За пачками азербайджанского чая
По талонам
Несколько часов
В родном городе Каменске-Уральском
На улице
Возле одного из продуктовых магазинов
Который называли
«Магазин возле мебельного»
У меня была пятирублёвая бумажка
И талоны
В очереди меня прозвали
«Мальчик с пятёркой»

Сонет

Повесил одного на стуле,
Двоих запрягал было в стол,
И трое под столом уснули,
Залезли четверо в камзол.

Где впятером так суицидно,
Где шестеро сидят в вине,
Но всемером и ждать обидно,
Но ввосьмером – уже в цене.

И девять неудачных строчек,
И десять глупых круглых строк,
Одиннадцать злых одиночек,
Двенадцать – вовсе не порок.

И чёртова выходит дюжина,
Четырнадцать – уже жемчужина.

* * *

А казалось бы, изменилась эпоха,
А посмотришь, всюду одно и то же,
Не появится чуда в озере лоха,
Не найдётся смысла в масонской ложе.

Путь к разгадке слаще самой разгадки,
Мы так много ждали от тёмной башни,
И уходит в песенке день вчерашний,
Эту песенку пели две девы сладко.

Под гитару пели в одном походе,
И стояли лыжи в одной землянке,
Возле жаркой печки и счастья вроде,
И компот рябиновый лился в пьянке.

Что-то в памяти песенка мне поётся,
И лыжня уносит по жизни дальше,
Снегопад кричит, что зима вернётся,
Но закончен лыжный сезон опять же.

* * *

Голубая цапля
У тебя была,
А в телеспектакле
Кибрит умерла.

Знаменский и Томин
Думают о ней,
Надо верно помнить
Всех своих друзей.

Много стало в МУРе
Нераскрытых дел,
В Ленинграде Жданов
Два журнала съел.

Будет только хуже,
Если так смотреть,
Повсеместный ужас
Лучше не терпеть.

Знают динозавры
Зовы высших мер.
Что нам скажет завтра
Злой карабинер?

Поведёт на волю
Или на помост?
Не хочу я боле
Делать этот тост.

Леди Джейн счастливой
Очень хочет стать.
Эти ли порывы
Нам не поддержать?

* * *

Вешаться или зализывать раны —
Дохлые точно не встанут уже,
Надо опять выходить на экраны,
Надо бороться за каждый сюжет.

Ждите нас, торки и жесь-берендеи,
Ждите и чёрные нас клобуки,
Полк беззаветного князя Андрея
Левой, но лёгкой и скорой руки.

Мы пролетим через вас корволантом,
Мы долетим до посадочных ран,
Бьёте рублём, мы ответим талантом,
Всё, мы идём на красивый таран.

Пусть нам покой никогда не приснится,
Пусть эта ночь никогда не пройдёт,
Пусть не кукует на башне зегзица,
Пусть это будет последний полёт.

Стиснуты зубы, застёгнута куртка,
Смято распутье, и витязь идёт,
Не причитайте, забытые турки,
Мягкой посадки, свободный народ.

* * *

Сложится в стих головная боль
или не сложится,
ты уж прости меня, милая Поль,
смазливая рожица.

Вставлю наш грот – робинзонский штамп –
в стихотворенице,
выйдет игрушечный мандельштамп
или есеница.

Знаю я сказки таинственных стран,
что тут хорошего,
вынесет в питерство Гандельсман
зонтик с калошами.

С понта Уральского снег и грязь,
брюки весенние,
что мартобрём поскорей укрась
своё сочинение.

И проживи ещё много дней
на этом острове,
чтоб зарубить на носу кучней
горького, острого.

* * *

Подпольная капелла
Сама себе играла,
И никакого дела
Она не совершала.

И не передавала
Шпионские шифровки,
Ни в чём не ожидала
Провала и верёвки.

Сама себе играла
О девушке и смерти,
Сама себя пытала
О том, как жить на свете.

Ничем не притворялась,
Играла виновато,
Но музыка осталась,
Дошла до адресата.

И кто-то вышел раньше,
А я ещё играю,
И знаю, что обманщик,
Но снова начинаю...

* * *

Растите, мои помидоры,
Растите, мои огурцы,
Живите, уральские горы,
И мамы мои, и отцы.

Когда я поеду на море,
Я буду грустить вдалеке
О сладком своём помидоре,
Об отчем своём парнике.

Сидите, девицы, в теплице
И парьтесь в парилке порой,
Я вспомню в проезжей столице
Про ваш небывалый покой.

Исчезнут шальные субботы,
Зарежет сосед петухов,
Когда я умру от работы,
Когда я умру от стихов.

Простите меня, помидоры,
Простите меня, огурцы,
Растите, уральские горы,
И дети мои, и отцы.

* * *

Просыпается Пицунда из гробницы,
И орган по умирающему Тассу
Про мои пенаты и больницы
Напевает Батюшкова фразу.

Я к тебе, безумие, стучался
И тебя по-своему добился,
До пустого крика достучался,
Счастьем газированным напился.

Где писал я «под сосной пицундской»,
Под неё вернулся через годик,
И со мною та же трясогузка,
Два птенца за мною смирно ходят.

Память сердца про мои царь-пушки,
Про ночное море и Торквато,
Золотой наряд моей пастушки
Я запомню фотоаппаратом.

* * *

«Если б жили мы в совершенном мире...» –
Говорит Клинт Иствуд из девяностых,
«Совершенный мир» – это фильм для взрослых,
А не Сен-Симон и Фурье во фронтире.

И зачем «Хороший» снимал про это,
Убивал хороших в прямом эфире,
«Мы давно живём в совершенном мире», –
Отвечает очередное лето.

И когда поймёшь, что пути окружны,
Перестанешь ждать и начнёшь сегодня,
Потому что завтра уже не модно,
А зимою будет уже не нужно.

Чилаверт один не протащит Чили,
Но в запасе множество утешений,
Не стреляй в охотника на оленей,
Он играет так, как его учили.

* * *

Добролюбов лирику напролёт
О короткой жизни, любви несчастной...
Подходил к концу переломный год.
Подходил к концу его путь ужасный.

Если бы он выжил и постарел,
Стал бы простодушным к посмертным славам,
Стал бы вдруг счастливым, добро имел,
А не призывал бы к делам кровавым.

Но одно он классно успеть сказал:
«Не забыл тебя, потому что брошен».
До сих пор не гаснет, пусть слаб и мал,
Лучик в тёмном царстве души тревожной.

* * *

Вылезет из воды
Мой гусёнок тоски,
Посчитает ходы,
Поменяет носки.

Сядет в мой вертолёт,
Полетит на юга,
Радости мимолёт
Увезёт га-га-га.

Это осень, мой друг,
Мой баран бе-бе-бе,
Я взираю на юг,
Обращаюсь к себе.

Застегни свой сюртук,
Застегни и держись,
Переехав на юг
Через хрупкую жизнь.

Свой картофельный стог
Собери из гряды,
Окупись в полный рог
Ещё тёплой воды.

И добавь для ушей,
И держись над бедой,
Горько, горько, нежней,
Голова над водой.

* * *

Приходили к Ленину белые ходоки
С баночкой варенья от гробовой тоски,

Дедушка в баночку пальцы запускал,
Сладкий под тальяночку лопал самопал.

Яйца нервно чешутся, стало быть, к дождю,
Так идите к лешему нашему вождю.

Греется в земляночке дорогой Ильич,
После пятой баночки схватит паралич.

Баррелями сладкое свозят в мавзолей,
Надают за кадками громких тумачков,

Посадили карлика на железный трон,
Ледяная армия, голубой барон.

* * *

Печатали Цветаевой черновики,
незавершённые, неудачные пустяки.
А сколько строчек у неё в голове
остались, выпали, лежат в траве.
Никто не сможет их подобрать,
никто не сможет их распознать.
А сколько строчек поэтов других
пылятся под ногами поэтов живых.
Никто не сможет их подобрать,
ну невозможно их распознать.
И в этом есть настоящий рай,
незавершённый, неудачный пускай.

* * *

Дочитал я глупости похвалу,
И теперь я знаю, как выживать,
Чтобы скрасить тяжкую кабалу,
В интересах собственных поступать.

И куда ты лезешь, кто ты такой,
Чтобы строить заново коллизей,
А морали не было никакой,
И эстеты выдумали музей.

И когда потянешься ты к стиху,
Помни, что случится с твоим стихом,
Где кукушка нравится петуху
И кукушка хвалится петухом.

И когда наступит «кукареку»,
Разбежится нечисть по уголкам,
Я срифмую каверзное «ку-ку»,
Подороже рабство своё продам.

Ты прекрасно знаешь, что это стёб,
Потому устроил в кустах галдёж,
Потому что сам-то эстет и сноб,
Потому что знаешь, за что живёшь.

* * *

После палки-копалки обсидиановый нож,
Мальчик говорит правду, девочка говорит ложь.

Мальчик взрослеет позже, девочка — уже мать,
Мамонты вымрут после, остров Врангеля, блин.

С корнем могли ацтеки искоренить любовь,
Выпустив из человека заражённую кровь.

А разбитое сердце соберёт Айболит,
Выстроит Сашка Герцен собственный мезолит.

Посмотри на старушек, точно ли среди них
Много таких простушек было, макак таких.

* * *

Кто работает, тот и ест,
И выращивает детей,
Пригласят на сентябрьский фест
Тебя, стреляный грамотей.

После сереньких распродаж,
Однояйцевых трудодней
Приходите на праздник наш
В похоронный театр теней.

Чёрный цвет – это яркий цвет,
Откажись от чужих икей,
Скажи будущему привет,
Завтра будет у нас окей.

Закольцованная езда,
Бег на месте, беги быстрой,
Поезда идут, поезда
Мимо праздничных сентябрей.

Наша яма в земле – тупик,
Лучше заживо пожалей,
В твоём зеркале скучный бык,
На Юпитере – веселей.

* * *

Ветер сквозь замочную скважину
Залетел,
Вспомнить я что-то важное
Захотел.

Что-то очень уж нужное
Позабыл,
Может быть, про жемчужину
И про ковыль.

Вслух читали, что вечером
Мать и отец,
А теперь делать нечего,
Сам добавлю конец.

Он совсем не загадочный,
Не волшебный совсем,
В переходное глядячи,
К повторению тем.

Вдруг появится новое
Про Роланда-стрелка
И про будни суровые
Княжеского полка.

Вроде бы в Потаскуево,
Как ты мог позабыть?
Может быть, уже ну его
Или всё ж позвонить?

* * *

Принцесса Клевская на арене
Даёт спектакль о своей любви,
И публика внемлет её измене,
Кивает чувственно: «Се ля ви».

А принц и герцог кричат: «Нам больно,
Что не достанется никому,
Что надо выбрать и быть довольной,
Что будет больно лишь одному».

Но сколько мужества в хрупком сердце,
Какая внешность, какой талант!
Заткнитесь оба, и принц и герцог,
И возвращайтесь на задний план.

Нельзя иначе, хоть злись, хоть кисни,
И ваша участь – ваш потолок,
Суровы нормы спортивной жизни,
И эта пьеса – лишь монолог.

* * *

Пишет мадам Севинье любимой дочке,
Пишет мадам Гринёва в Париж ответ,
Вместе с письмом солёные шлёт грибочки
И от Гринёва пламенный ей привет.

Пусть там Людовик снова Фуке осудит
И колесуют Пуго в четвёртый раз,
Маша седая нежно супруга будит:
«Вот снег и выпал, выпей, Петруша, квас».

А в октябре привезли перегной камазом,
Так раскидай по грядкам и жди весны,
А перед сном ударь по опасным связям,
Лишь о флоринах снятся пусть Тилю сны.

Пишут мадамы письма сто лет друг другу,
Вёрсты, и лье, и время преодолев,
И недостойно нам покоряться Пуго,
Лучше уж мёртвый, но непокорный лев.

* * *

Спой мне гроздь душистые белой акации,
У меня навернутся счастливые слёзы,
Мелодрама, достойная экранизации,
И из сердца не вытащишь эти занозы.

Они ноют, но греют меня, окаянного,
Заставляют задуматься, даже забытья,
И когда говорят мне, что нет постоянного,
Я не спорю, я снова могу ошибиться.

Но хитро улыбаюсь, поскольку мне кажется,
Что теперь не удастся меня околпачить,
И она от меня никогда не отвяжется,
И она в грустном мире чего-нибудь значит.

* * *

Стих выскочит из ниоткуда,
Когда его совсем не ждёшь,
Как будто маленькое чудо,
Как будто маленькая вошь.

Запишешь или не запишешь,
Доносишь в сердце до конца,
Ты иногда себя не слышишь,
Не видишь третьего лица.

Он – это ты, одна порода,
И снова ты, а дальше он.
Так непонятная природа
Тебе диктует свой закон.

Как будто вылетает птичка,
Удобней фото и кино,
Сидит в невидимых кавычках
Твоё мгновение одно.

И каждый вечер так и хочется
Свернуть и заново начать,
Но можно лишь сосредоточиться,
И запрещается кричать.

* * *

Купишь себе новые джинсы,
Скушаешь пьесу Алана Милна,
Провинциальное качество жизни
Мыльно, стабильно, нещепетильно.

Сбросил бы с возу балласты сразу,
Занялся бы настоящим делом,
Стал бы героем на первой базе,
А не любовником перезрелым.

Там варианты совсем иные,
А результаты намного баше.
Здесь лишь короткие выходные,
Игры в загадочный чёрный ящик.

Но когда лепишь из мухи чудо,
То добавляется оптимизма,
Если сумеешь сварганить блюдо
Самого главного пофигизма.

* * *

Мы читали Сэлинджера в восемнадцать,
Достоевского, Кафку, Сартра, Камю,
Мы умеем гнуться и унижаться
И глазами спрашивать: «Почему?»

Потому что любовь всё равно сильнее,
Потому что она всё равно придёт,
И чем позже, тем будет она больнее,
Тем желанней надпись: «Влезай – убьёт».

Только в это остаётся поверить,
Только с этим после придётся спать,
Мы глухие, слепые, тупые тетери,
Приходите с нами потоковать.

* * *

На кино тридцатых годов, на зеркало, на свекровь,
В телефоне барышня самых рассветных лет,
Не пеняй, покуда ты выбросила любовь,
У тебя ничего святого на свете нет.

А он – меньшеиков, дымба, луцик и фантомас,
Перечислить можно, нельзя повторить эффект,
Мы затем изучали движение народных масс,
Чтобы выбросить свой булыжник на ваш проспект.

Но попробовать можно с завистью подражать,
В этом пазле нет никаких подводных камней,
Двадцать лет придётся после кому-то ждать,
Чтоб увидеть место собственное видней.

Доведённые до победы сидят в кино,
Где включают внезапно им черно-белый звук,
Кавалера барышня, дети сидят давно,
Раздаётся радостно пламенный стук-стук-стук.

* * *

Мы никогда не постареем,
Как Тиль и Неле, как стихи,
Разбогатеем, растолстеем,
Накопим разной чепухи.

Над нами поколдуют годы,
Но им слабо околдовать
Шальную молодость свободы,
Стихов бессмысленную кладь.

* * *

Каждому поэту
должно выдать монету,
чтобы на что-то кушал
и никого не слушал.

После сытый поэт
будет обут и одет,
чтобы в стихах морозили
каверзными вопросами.

Также нужно пииту
решить враз проблемы с бытом:
машина, домик с террасой,
чтоб мнил себя средним классом.

А чтоб не хандрил без причины,
найти ему половину,
чтоб вместе с ней в огороде
работал он на свободе.

Тогда поэт разовьётся,
разинет рот и заткнётся.

* * *

А Паскаль говорит – все режимы плохи,
И поэтому надо родной выбирать
И терпеть, и его никогда не ругать,
Не писать про него роковые стихи.

Бедный, бедный Паскаль, ты в России не жил...
И на этом хотел я себя оборвать,
Но легко на режим суицида пенять
И трусливо влачить среди добреньких рыл.

Это подлость пролезла на сладенький верх,
Это подлость бросала на скользкий нас лёд,
Так лети же над нами, наш ласковый стерх,
Так что смены не будет и время вперёд.

* * *

Мы знакомы с тобою с прошлого века,
Мы писали стихи и травились редко,
Мы писали, как Бродский, писали, как евтух,
Доросли до признаний седых и ветхих,
Но не будем пока уходить в корифеи,
Потому что можем писать, как феи,
Фей не любят при жизни за их причуды,
На кострах сжигают плохие люди,
И неважно даже, с какого века,
И какого хера, какого Эко.

* * *

А потом мы сыграем в футбол,
Словно в шведском просроченном фильме,
Я забью изумительный гол,
И я очень люблю тебя сильно.

Каждый день для меня – это ад,
Не умею я жить по-другому,
Но я вытащил собственный клад
В виде этого взрослого дома.

Это я не тебя упрекал,
Я себя упрекал за бессилье,
Я таким снисходительным стал,
Потому что люблю тебя сильно.

После матча так ноги болят,
Но уходят без нас пароходы,
Каждый день – это маленький ад,
Каждый гол – это капля свободы.

* * *

Это тот, что сам передвинул время,
У него есть земли и бычье племя,
У него проблемы – коклюш, экзема,
Этот тот, что нижняя часть тандема.

К нам приходят лысый и волосатый,
Предлагают деньги грести лопатой,
Предлагают дядю убить лопатой,
«Но какой ты рыжий и конопатый», –
Мне, сходя в могилу, сказал горбатый.
Мы играем в киевские квадраты,
И следит за нами козёл рогатый.

* * *

«Кто может сравниться с Матильдой твоей?» —
Сказала легенда нерусского рока,
Поёт соловей для несчастных людей,
И мне так всегда, так всегда одиноко.

Когда опускаются руки твои,
Когда обращаешься к зеркалу только,
Когда над тобою поют соловьи,
А ты пяточком роешь землю под польку.

И в зеркале вместо твоих папаген
Поклонится кто-то в навязчивом чёрном,
Худой рухнет мир с постоянных колен
Под резкие звуки гармонии задорной.

На месте качается жёлтый вагон,
Поёт папагена на жарящей крыше,
Я с зиппо иду на вечерний балкон
Светить огоньком тем, кто ниже и выше.

* * *

Карло Гольдони сидит в гондоле
И не родится, не состоится.

Он не напишет о турандотке
И не залезет в мой стих короткий.

Так получилось и так попался.
Не состоялся, не состоялся.

* * *

Декоратор должен писать декорации,
А чиновник должен читать стихи,
И поэтому я в обычной прострации,
Мои строчки загадочны и легки.

Издываясь над наивным зрителем,
Я сижу, таинственный, за столом.
Я читаю девочкам, их родителям
О себя волнующем на своём.

Дорогие девочки, вы меня не слушайте,
Кушайте полезную вы морковь,
А они с открытыми ртами слушают,
Пусть я буду первая их любовь.

* * *

«Товарищ, я вахту не в силах стоять», –
Сказал он Уильяму Блаю.
«Ты мне не товарищ, ты русская блай», –
Ответил Миклухе-Маклаю.

На берег Маклая сошёл наш Маклай,
Остался-таки человеком,
А зверь и паскуда – отъявленный Блай –
Не станет никак человеком.

И что крестоносцы приносят лишь зло,
Сказал Гумилёв, тот, что младший,
Уильяму Блаю подали весло,
Сказали – гребь-ка подальше.

И Лоутон с Хопкинсом больше нигде,
А правда во всём виновата,
Она загуляла, ушла по воде
На маленький остров, ребята.

Она там живёт, варит свой самогон
И ездит на классном пикапе,
Кларк Гейбл и Мел Гибсон издали закон
О выборах нового Папы.

* * *

«Золотое яблоко»
переехало,
а на месте «Яблока»
больше ничего.

Я иду по улице
на дзынь-дзынь трамвай,
пусть погода хмурится,
скоро будет май.

Через восемь месяцев,
в будущем году,
павших листьев месиво,
я ещё иду.

* * *

Оперный бабай
и какой-нибудь ёшкин кот
сели в ночной трамвай,
и теперь их никто не найдёт.

Они ехали в ночной клуб
или крутой ресторан,
обнимал их ночной июль
или брат растаман.

И попали в ночную хронику,
а не в лирический стих,
Басов поймал электроника,
но ничего не постиг.

* * *

Едет, едет шанхайский экспресс,
В главной роли Такеши Китано,
Пуаро потерял интерес
К старым фильмам, где много обмана.

И уже не стремится попасть
Тётя Грета под бешеный поезд,
Новый год или старая власть
Будут править, и я успокоюсь.

Едет, едет шанхайский экспресс
Или нервно трясётся на месте,
Гена Шкаликов в шкафчик не влез,
На крючок его сбоку повесьте.

Ты сиди потихоньку в углу
И читай Эдуарда Мендосу,
Зря ты в детстве смотрел про иглу
И пытался убиться без спроса.

Едет, едет шанхайский экспресс –
Смесь маньчжурского с неоанглийским,
Он резиновый, всем хватит мест,
Гена Шкаликов пьёт своё виски.

Едет, едет шанхайский экспресс,
Не доедет никак до Китая,
За окошком таинственный лес –
Настоящая жизнь, не такая.

* * *

«Я не переживу эту осень!» –
Сколько раз закатывал я такое...
Но зима приходила – седая проседь
С ощущением старческого покоя.

И пора надеть дырявые латы
И обуться в верные россиньолы,
Дотянули мы до своей зарплаты,
Трепещите, скаченные монголы.

И ещё не взята вторая башня,
Отбиваем орды пернатых галлов,
Безнадёжно жить, умирать не страшно.
И от первой башни не ждать сигналов.

* * *

Один станет великим поэтом,
Выпьет сам поэтический мёд,
А другим не хрена, даже летом,
К ним на праздник никто не придёт.

Приходите на мой скучный вечер,
Пожалейте меня просто так,
Подарите мне сладкие речи,
Положите в фуражку пятак.

Никогда я в стихах не старался,
Этот стих точно так же пишу.
Почему же я здесь оказался
И у вас подаянья прошу?

Может быть, потому что мне сорок,
Кризис среднего возраста в месь,
Хлеб изгнания нынче недорог,
Прозябания блин горче есть.

* * *

Скажешь «турсун», чтобы дым не шёл на тебя,
Дым на тебя пойдёт или не пойдёт,
Я вспоминаю некоторых ребят,
С ними ходил когда-то в один поход.

Что с ними стало, я не могу сказать,
Что со мной стало, это ещё сложнее,
Что здесь действительно умное привязать,
Я не могу придумать себя умней.

То ли действительно грубый мой понт дешёв —
Класса последнего зимний поход, Конжак,
Руководитель Юра наш Чернышов
Был Человеком, лучших съедает рак.

* * *

Я буду жить долго, срывая стихи с куста,
Колючие ветки жалят, но я терплю,
Менты за мои смешки бьют меня в уста,
Но я мир несчастный, ужасный назло люблю.

Я буду достраивать сборник моих стихов,
Хотя получается очень корявый дом,
Но, правда, пригоден для зимних и тёплых снов,
Пусть я не успею сам поселиться в нём.

Хотите узнать про то, что мне помогло,
За что я так долго абсурдность и стыд терплю?
Рецепты простые реальности зла назло:
Диван и плед, и та, что я так люблю.

* * *

Засунули в задницу нам керн,
И начался новый век,
Он всё-таки трахнул анну керн,
Великий был человек.

Потом он стрелялся из-за другой
И тоже её любил,
Француз был глупый и голубой,
Но тоже был мал-удал.

Прости их, Боже, их всех прости
За славу блестящих дней,
А мы живём тут в своей грязи
И садим картошку в ней.

* * *

Я служил солдатом в сапфирной роте,
Выдавали яхонтовы пищали,
Ошибался нагло в шальной работе,
Но ошибки молодости прощали.

Нас держали мягко в сухой палате,
От себя нас вежливо охраняли,
Жемчуга сверкали на плащ-халате,
Соболя блестили на одеяле.

Я теперь позволить могу и рибок,
Понимаю правду об юном сброде,
И других прощаю – труслив и гибок,
Но припрятал камушки на свободе.

* * *

От любви до жалости волосок,
Что туда-сюда двигает весы,
Мир – случайно созданный колобок,
Докатились мы до своей лисы.

Без надежд и просьб сядем ей на нос,
Нашу песенку радостно споём,
С яркой песенкой наших красных слёз
Хорошо с тобой пропадать вдвоём.

Ты прости меня, что тебя привёл
Я к такому сказочному концу,
И играют нами теперь в футбол
Те, что думают, что нам смерть к лицу.

Ты прости меня, что я был не тот,
Кем казался всем и любил тебя,
А обычный сказочный идиот,
Только всё же я, я люблю тебя.

Только мы уйдём даже от лисы,
Пропадём под землю и над землёй,
Мы положим правильно на весы
Свою песенку – волосочек свой.

Содержание

<i>Катя Капович. Кто «мальчик с пятёркой»?</i>	3
«Все сгорели карусели...»	7
«Марамзино улиток и створчаток...»	8
«Потихоньку, по ступенечке...»	9
«Я любил Гауфа, даже не Гофмана...»	10
«Больные стихи. Больные стихи...»	11
«Жертв и разрушений нет...»	12
«Дочка-первоклассница...»	13
«Я тебе принесу...»	14
«Получивший свою пустоту...»	15
«Летаю с дочкой на руках...»	16
«Таких, как он, не бывает...»	17
«Сначала я думал, что я гулливер...»	18
«Приходили в гости турки...»	19
«А ну-ка, песню нам пропой...»	20
«Скажи слово “моцарт”...»	21
«Поникла лютиком моя башка...»	22
«Мы снова празднуем ту победу...»	23
«Тебя излечит Пантелеймон...»	24
«Хитрый бурундук...»	25
«Я ходил в “Мотылёк” покупать бутылёк...»	26
«Мы учили с сыном чужой язык...»	27
«Можно отказаться от плохих стихов...»	28
«Мы поехали в дом, где живёт мастер Бо...»	29
«Я возьму две вещи в свою картину...»	30
«Рифмовал бы, как Вознесенский...»	31
«“Белые кувшинки”...»	32
«Маленький невзрачный вышибала...»	33
«У моей бабушки был комод...»	34
«Моя нога болит...»	35

«Мы двух Георгиев, Иванова...»	36
«В мире видел я и хороших женщин...»	37
«Если бы я был пятнадцатилетним капитаном...»	38
«Поэзия не эпичнеет...»	39
«О, Тинторетто...»	40
«Сиди на хлебе и кефире...»	41
«Наговори мне сладостей...»	42
«Ты держала меня за руку...»	43
«Золотые ворота...»	44
«Выпей с утра в субботу чашечку кофе...»	45
«Зашнуруй шнурок...»	46
«Накормите меня кабачковой икрой...»	47
«Можно ли избавиться враз от контрабаса...»	48
«Вспоминаю сладких моих подружек...»	49
«Когда-то были бобины...»	50
«На кончике языка...»	51
«Мы доели тощих своих коров...»	52
«Воспевать бескорыстно своё отечество...»	53
«Загнанная лошадь...»	54
«Кушайте яблоки, господа...»	55
«Умирает Степан Астахов в тихом доне...»	56
«Праздничные скидки...»	57
«Залезай в эту ванну...»	58
Верлибр	59
Сонет	60
«А казалось бы, изменилась эпоха...»	61
«Голубая цапля...»	62
«Вешаться или зализывать раны...»	64
«Сложится в стих головная боль...»	65
«Подпольная капелла...»	66
«Растите, мои помидоры...»	67
«Просыпается Пицунда из гробницы...»	68
«Если б жили мы в совершенном мире...»	69
«Добролюбов лирику напролёт...»	70
«Вылезет из воды...»	71
«Приходили к Ленину белые ходоки...»	72

«Печатали Цветаевой черновики...»	73
«Дочитал я глупости похвалу...»	74
«После палки-копалки обсидиановый нож...»	75
«Кто работает, тот и ест...»	76
«Ветер сквозь замочную скважину...»	77
«Принцесса Клевская на арене...»	78
«Пишет мадам Севинье любимой дочке...»	79
«Спой мне гроздь душистые белой акации...»	80
«Стих выскочит из ниоткуда...»	81
«Купишь себе новые джинсы...»	82
«Мы читали Эзлинджера в восемнадцать...»	83
«На кино тридцатых годов...»	84
«Мы никогда не постареем...»	85
«Каждому поэту...»	86
«А Паскаль говорит – все режимы плохи...»	87
«Мы знакомы с тобою с прошлого века...»	88
«А потом мы сыграем в футбол...»	89
«Это тот, что сам передвинул время...»	90
«Кто может сравниться с Матильдой твоей?..»	91
«Карло Гольдони сидит в гондоле...»	92
«Декоратор должен писать декорации...»	93
«Товарищ, я вахту не в силах стоять...»	94
«“Золотое яблоко”...»	95
«Оперный бабай...»	96
«Едет, едет шанхайский экспресс...»	97
«Я не переживу эту осень!..»	98
«Один станет великим поэтом...»	99
«Скажешь “турсун”, чтобы дым не шёл на тебя...»	100
«Я буду жить долго, срывая стихи с куста...»	101
«Засунули в задницу нам керн...»	102
«Я служил солдатом в сапфирной роте...»	103
«От любви до жалости волосок...»	104

Андрей Торопов. Мальчик с пятёркой

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 21.06.2021
Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 6,75.
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-6044597-6-8

9 785604 459768

Формула стихов Торопова — культурная игра в наив плюс щепоть упаднической философии, сдобренной умной и горькой самоиронией, — оригинальна и по-человечески привлекательна. Впрочем, дело и в том, что вот так, под полой, к читателю проносится не сразу узнаваемая, но ощутимая романтическая тема. Да, это она, лирика в эпоху метамодерна, где всё принадлежит всем и где от сладкого яда масскульта спасает лишь игра с ним самим, его символами и клише. Перед нами тот самый разочарованный романтик, переодетый телезрителем, покупателем, киноманом, обывателем. Современный поэт как он есть в наше непозитическое время.

Олег Дозморov

Стихи, полные самоиронии, с особенным, подчас горьким юмором. И умные, и простые одновременно. Очень смелые, живые. Это буквально жизнь и есть. Жизнь, отбрасывающая тень поэтического пафоса, пафоса не стесняющаяся. Для того чтобы писать такие тексты, мало решительности — требуется определённая внутренняя свобода.

Алексей Сальников

ISBN 978-5-6044597-6-8

9 785604 459768